

- ¹³ Гаген-Торн А. И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5, 6. С. 88.
- ¹⁴ Деметер Н. Г. Некоторые черты семейного быта цыган-кэлдэрари // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1977. М., 1979. С. 49.
- ¹⁵ Королева Э. А. Указ. раб. С. 65, 71.
- ¹⁶ Там же. С. 149.
- ¹⁷ Там же. С. 67.
- ¹⁸ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865, Ч. I. С. 435, 671.
- ¹⁹ Ригведа. Мандалы I—IV. М., 1989. С. 275, 277, 760.
- ²⁰ Clébert J. P. Les Tsiganes. P., 1961. P. 154.
- ²¹ В. М. Конева, исполнительница цыганских песен, летом 1959 г. наблюдала ношение монист замужними венгерскими цыганками и отсутствие монист у девушек-цыганок в пос. Виноградово и г. Мукачево (Закарпатье).
- ²² Власов В. Г. Пути расшифровки каргопольского календаря-вышивки // СЭ. 1990. № 2. С. 47.
- ²³ Деметер Н. Г. Некоторые черты... С. 47.
- ²⁴ Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1988. С. 520.
- ²⁵ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1983. С. 53.
- ²⁶ Королева Э. А. Указ. раб. С. 82.
- ²⁷ Clébert J. P. Op. cit. P. 155.
- ²⁸ Ibid. P. 154.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Зарубин Л. А. Сходные сельскохозяйственные обычаи у индоевропейцев и славян // Сов. славяноведение. М., 1969. № 1.
- ³¹ Танец записан на видеокассету. Находится в личном архиве Н. Г. Деметер.
- ³² Обермайер Г. Первобытный человек. СПб., 1913. С. 50; Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966. С. 86.
- ³³ Королева Э. А. Указ. раб. С. 62.
- ³⁴ Лекса Мануш. Указ. раб. С. 50.
- ³⁵ Там же. С. 53, 54.

Female Body Magic as a Source of the Gipsy Band Dance

A comparative analysis of dance movements of a Gipsy group (the so called Northern Russian) and of the Kanjars of Rajasthan, India, is made. The author has studied dances both of the Gipsies and of the peoples of Northern and North—West India, and she arrived at the conclusion that the dance, being very often the central part of many rituals, is a condensed expression of the people's worldview and of their hopes and aspirations.

M. V. Smirnova-Seslavinskaya

© 1995 г. ЭО, № 3

А. В. Ш а б а ш о в

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРСКОЙ И ГАГАУЗСКОЙ СИСТЕМ РОДСТВА (по материалам Южной Украины)

Изучение систем родства в отечественной, да и в зарубежной науке, как правило, велось в связи с проблемами семьи, брака и социальной организации. Однако структура терминов родства может быть использована и как источник для этногенетических реконструкций, так как некоторые ее особенности зачастую могут быть следствием этнического развития, этнических контактов, а не только отражением общих стадийальных закономерностей. Такую возможность допускал еще Л. Морган — основоположник изучения систем родства ¹, но, к сожалению, данное направление в исследованиях — достаточно перспективное, на наш взгляд, не нашло отражения в научной литературе ².

Особые эвристические и теоретические возможности в этом плане предоставляет нам сравнительное изучение систем родства болгар и гагаузов Бессарабии: они относятся к различным общностям — славянской и тюркской и в то же время достаточно близки по историческому прошлому, некоторым сторонам духовной и материальной культуры.

Материалы по болгарской системе родства были собраны автором в ходе экспедиционных поездок в Одесскую область Украины. Эти данные, проанализированные и сравненные с данными, полученными в Болгарии, обобщены в ряде статей, находящихся в публикации. Гагаузская же терминология и система родства на сегодняшний день остаются практически неизученными. Хотя в нарративных источниках и научной литературе и имеются некоторые соответствующие материалы³, они не могут быть в полной мере использованы для построения системы терминов родства, так как, с одной стороны, не отражают диалектных и говорных особенностей, что для нас в данном случае чрезвычайно важно, а с другой стороны, неадекватно отражают значение терминов, круг лиц, ими описываемых, так как гагаузские термины родства рассматривались в них как языковой, а не как этнологический факт.

В связи с этим главным использованным источником для построения гагаузской системы терминов родства послужили полевые материалы автора, однако их количество недостаточно для детального рассмотрения этой системы во всем многообразии имеющихся в ней типов. Потому нами рассматривается лишь один тип гагаузской системы родства, изученный нами на полевых материалах из с. Подгорное Тарутинского района Одесской области, где живут гагаузы — переселенцы из с. Дерменжи (Молдавия). Но судя по другим источникам, этот тип отражает основные особенности системы родства данного народа, хотя возможно, что существуют и другие типы с важными специфическими чертами.

Продуктивность сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства связана с тем, что системы родства этих народов в целом относятся к совершенно различным типам: болгарская, как и ряд других славянских систем родства, — к переходному от бифуркативно-коллатерального (китайского или арабского, по другим терминологиям) к линейному (английскому) типу, а гагаузская имеет элементы общего всем тюркским народам типа, который является совершенно оригинальным, не пишется в известные типологии систем родства; по словам Н. В. Бикбулатова, специфика этого типа «настолько существенна, что эти системы, в известной мере, противостоят всем другим»⁴.

В данной статье предлагается сравнительный анализ подтипов системы терминов родства, характерных для субэтнических групп болгар Юго-Западной Украины, и системы терминов родства одной группы гагаузов, которые будут сопоставлены между собой, а также с общеславянской (древнеславянской) и с общетюркской системами родства; таким образом можно определить типологическое положение, отношение рассматриваемых систем к этим глобальным типам и также влияние (или отсутствие такового) тюркского типа системы родства на субэтнические терминологические системы болгар, одновременно — влияние славянского типа на систему родства рассматриваемой группы гагаузов. Главные позиции, по которым будет идти наш анализ, в силу своей специфики, это супруги кровных родственников, т. е. то подразделение родства, которое некоторые авторы определяют как «внутреннее свойство»⁵.

Реконструкция общеславянской (древнеславянской) системы родства особых трудностей не вызывает, и на основе имеющихся данных можно легко восстановить как изначальный тип славянской системы родства, единый в определенный период для всех народов, входящих в данную общность, так и направление ее эволюции вплоть до нынешнего состояния⁶. Изначально этот тип представлял собой классический бифуркативно-коллатеральный тип родства и эволюционировал в сторону слияния терминов по линии отца и матери вплоть до превращения в линейный тип. Последний характерен для ряда современных славянских народов: русских, украинцев. Системы других славянских народов —

поляков, сербов, хорватов, болгар — ныне стоят на последних ступенях перехода к этому типу. Однако независимо от стадии эволюции славянские системы терминов родства характеризуются рядом общих для всех периодов принципов построения их структуры: одним из них является принцип поколения, т. е. релевантность в системе уровня поколения; разграничения по возрасту могли терминологически проводиться, но в рамках разграничения старших и младших родственников в пределах одного поколения. Подтипы болгарской системы родства находятся, как уже говорилось, в промежуточном состоянии между бифуркативно-коллатеральным и линейным типами, причем некоторые из них типологически ближе к первому типу, другие — ко второму.

Что касается тюркской общности, то существование общего для всех этих народов типа системы родства признается большинством исследователей. Однако ее адекватная характеристика до сих пор отсутствует. Это связано с общим развитием типологических исследований систем родства. Первоначально системы родства тюркских народов определяли как «квалифицированные»⁷. Но, кроме недифференцированности этого определения, деление на «квалификационные» и «неквалификационные» системы родства со временем было отвергнуто в науке: первым против этого давления выступил С. А. Токарев⁸, а окончательная аргументация, отвергающая такую типологизацию, развернута М. В. Крюковым⁹. Впоследствии систему родства тюркских народов попытались описать в терминах вновь созданных типологий, основанных на принципах слияния или разграничения терминов, обозначающих родственников по прямой и боковым линиям, и разграничения или слияния родственников по линии отца и матери¹⁰. При всей важности этих критериев необходимо отметить (исходя из самой логики тюркской системы родства), что важнейшим определяющим ее структуру принципом является «принцип косо́го родства» или принцип относительного возраста, когда термины для обозначения большей части родственников зависят не от их принадлежности к поколению и не от генеалогической цепочки по отношению к *эго* (как в других системах), а от принадлежности к группе *эго* и от их возраста относительно *эго*, его родителей, детей и т. д. Таким образом, общим термином описываются родственники, относящиеся к разным степеням родства и принадлежащие к двум-трем различным поколениям, что не допускается в других — «генерационных» системах родства.

Некоторые исследователи, обратив внимание на наличие в тюркских системах родства особенностей подтипов «кроу» и «омаха», попытались (как и в целом этот подтип) описать как частный случай общей четырехчленной типологии систем родства¹¹. Однако принцип косо́го родства кардинально отличается от принципа «поколенного скашивания», который характеризует подтип «кроу» и «омаха». Кроме того, даже из чисто логических соображений, сами принципы, из которых исходит принятая у нас типология родства, неприменимы для описания тюркских систем, так как в них делается основополагающим группировка родственников в нулевом и первом восходящем поколении, а поколений для рассматриваемых систем родства, повторяем, не существует. Поэтому, кстати, принципиально невозможно записать систему терминов родства тюркских народов с помощью кода Ю. Й. Левина или С. А. Токарева¹².

Н. В. Бикбулатов — единственный из исследователей, посвятивший ряд работ изучению одной из тюркских систем родства — башкирской, отметил всю важность данных фактов, хотя и в достаточно осторожной форме¹³. Но, справедливости ради, нельзя не отметить, что в ранних его работах была предпринята попытка описать тюркскую систему родства в терминах господствующей типологии¹⁴. Эту попытку необходимо признать совершенно неудовлетворительной, что позднее, как видно, осознал и сам автор.

Достаточно точно особенности тюркской системы родства, правда, в другом аспекте, охарактеризованы в работе Н. А. Бутинова: он противопоставил «клановое родство» (предложенный им термин) родству «генеалогическому» (последнее соответствует и особенностям общеславянской системы родства).

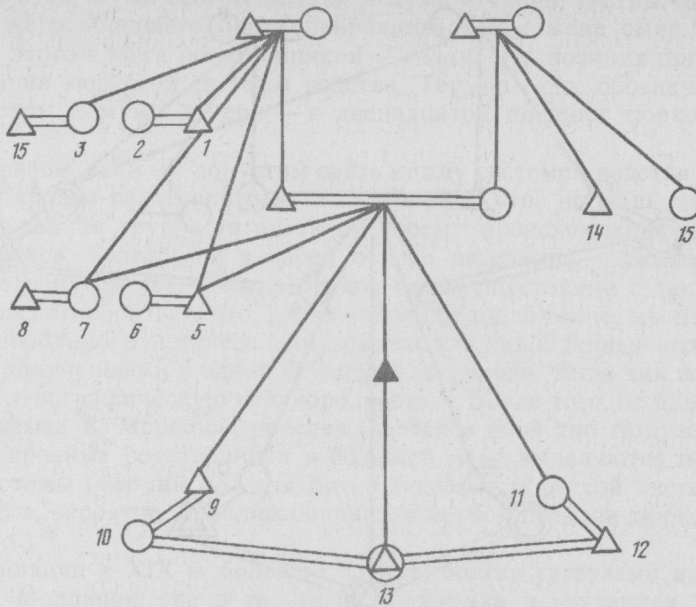

Рис. 1. Тюркская система родства: 1 — кровные родственники старше родителей *эго*, но младше родителей его родителей; 2 — жены кровных родственников категории 1; 3 — кровные родственницы старше родителей *эго*, но младше родителей его родителей; 4 — мужья кровных родственниц категории 3; 5 — кровные родственники старше *эго*, но младше его родителей; 6 — жены кровных родственников категории 5; 7 — кровные родственницы старше *эго*, но младше его родителей; 8 — мужья кровных родственников категории 7; 9 — кровные родственники младше *эго*, но старше его детей; 10 — жены кровных родственников категории 9, жены сыновей; 11 — кровные родственники младше *эго*, но старше его детей; 12 — мужья кровных родственниц категории 11, мужья дочерей; 13 — сын, дочь; 14 — брат матери; 15 — сестра матери.

«Генеалогическое родство»

В основе — брак и рождение.

Термины родства индивидуализируют, дифференцируют.

Точка отсчета — конкретное лицо (*эго*).

Учитываются связи по обеим линиям, мужской и женской.

Учитываются родственники по крови и по браку. Применимый к одному и тому же человеку термин зависит от того, кто выступает в роли *эго*.

Круг лиц, охватываемых родством (родня), имеет у каждого индивида особый характер.

«Клановое родство»

В основе — общино-родовой коллективизм.

Термины родства группируют, уравнивают.

Точка отсчета — тотем, предок, земельный участок.

Признается только одна линия — либо мужская, либо женская.

Приравнивается к родству по крови и несовместимо со свойством.

Применимый к группе людей термин не зависит от того, кто выступает в роли *эго*.

Круг лиц, охватываемых родством (род), для всех один и тот же ¹⁵.

Не имея возможности здесь окончательно разобрать данный вопрос, хотелось бы обозначить крайнюю необходимость систематизировать эмпирические материалы по номенклатуре родства тюркских народов, решить вопрос о типологизации их системы родства и внести необходимые уточнения в общую типологию. Ныне в качестве гипотезы же можно предложить выделять системы родства тюркских народов в отдельный тип, особенности которого, изученные по эмпирическим материалам ¹⁶, отражены на схеме (см. рис. 1). В рабочем порядке этот тип можно определить как филиационно-клановый (в отличие от других — генерационных) или же как филиационно-бифуркативный. Такая система родства характерна, вероятно, для клана или линиджа (имеется в виду патрилинейная иерархизированная позднеродовая группа), внутри которого родственники или

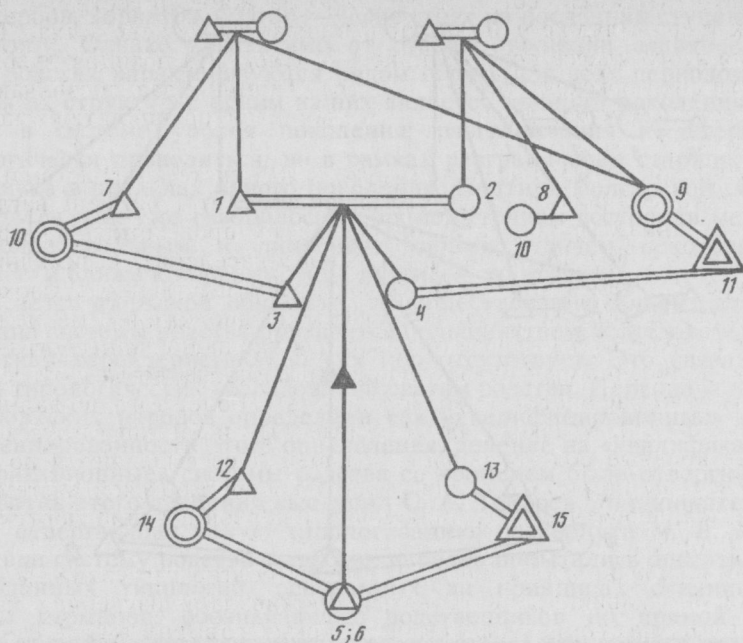

Рис. 2. Система родства изученной автором группы гагаузов: 1 — бака (буба, баба, тети, тятю); 2 — маму (ана); 3 — бабадю; 4 — каку; 5 — оолум; 6 — кыкым; 7 — чучу; 8 — дайка; 9 — лелю; 10 — буля; 11 — ениште; 12 — кардаш; 13 — кызкардаш; 14 — гелин; 15 — гюве.

члены данного клана группируются по возрастным филиациям, а не по поколениям и степеням генеалогической связи.

Итак, главное различие между тюркской и славянской системами родства — это противопоставление принципа относительного возраста, или «косо́го родства», проводимого в тюркской системе, принципу поколения, характерному для славянской системы родства.

Если проанализировать систему родства изученной группы гагаузов, то мы увидим, что в ней кровные родственники стоят в позициях, характерных для славянской системы родства (рис. 2): существует поколенный термин *чучу*, обозначающий брата отца, поколенный термин *лелю* для обозначения сестры матери и сестры отца (таким образом объединяются и линия матери и линия отца), хотя и разграничиваются старший и младший брат (соответственно *бадю* и *кардаш*), старшая и младшая сестра (*каку* и *кызкардаш*), но представители других поколений не могут быть объединены с ними под одним термином, т. е. этот термин — поколенный. Выделяется и поколенный термин, обозначающий брата матери — *дайка* (так же как и в славянской системе родства). Зачастую термины, обозначающие кровных родственников, заимствованы у болгар.

А вот супруги кровных родственников (внутренние свойственники) стоят в позициях, характерных для тюркской системы родства: термин *буля* объединяет и жену и брата матери, и жену брата отца, и принадлежащую к иному поколению жену старшего брата. Таким образом, этот термин приближается по значению к условно выделенной нами шестой позиции в тюркской системе родства, объединяющей жен кровных родственников старше говорящего лица, но младше его родителей. Различия сохраняются в том, что *буля*, будучи и женой брата отца, и женой брата матери, может в принципе быть старше родителей говорящего лица, т. е. склывание, очевидно проявляясь, не выдержано, однако, до конца последовательно. Термин *ениште* приближается по своему значению к восьмой позиции тюркской системы родства, объединяя принадлежащих к разным поколениям

мужа сестры отца, мужа сестры матери и мужа старшей сестры. В нисходящих поколениях жена младшего брата приравнивается к жене сына. Термин для обозначения этого класса родственников — *гелин*. Эта позиция приближается к десятой позиции тюркской системы родства. Термин *гюве*, обозначающий мужа младшей сестры и мужа дочери — к двенадцатой позиции тюркской системы родства.

Таким образом, если мы допустим связь между системой родства и реальными брачными и кровно-родственными отношениями, что, на наш взгляд, весьма вероятно, то данная группа гагаузов по своему происхождению представляет собой славянское, болгарское в своей основе население, ассимилированное в тюркской среде путем заключения браков преимущественно с тюрками. Необходимо еще раз оговориться, что, делая такое предположение, мы не претендуем на решение проблемы этногенеза гагаузов, так как наши данные ограничиваются сведениями, полученными в одной группе этого народа, тогда как исследователи отмечали их этнографическую неоднородность¹⁷. Более того, по данным словаря гагаузского языка В. Мошкова, прослеживается и иной тип гагаузской системы родства, где кровные родственники в большей мере выделяются по принципам тюркской системы (термин *ага* для пятой позиции тюркской системы родства, термин *амуджа*, вероятно, приближающийся к первой позиции тюркской системы родства, и т. д.)¹⁸.

Об ассимиляции в XIX в. большой группы болгар гагаузами на территории современной Молдавии, где в то время проживала и изученная нами группа гагаузов, пишут авторы «Атласа болгарских говоров в СССР»¹⁹, а также Г. Занетов, хорошо знавший ситуацию в регионе в прошлом веке: «С точностью можно проследить, что из населения, которое сегодня говорит по-турецки, 60—70 лет назад (1825—1835 гг. — А. Ш.), если не половина, то около половины говорило по-болгарски. Это можно проследить как по семейным воспоминаниям и традициям, так и по фамильным именам. Таким образом, население, которое говорит по-турецки, в значительной мере есть ассимилированный чисто болгарский элемент»²⁰. Впрочем, ассимиляция части болгар гагаузами, как отмечают многие авторы, имела место еще в бытность их на Балканском полуострове. Исходя из наших данных, можно предположить, что ассимиляция проходила, по крайней мере в каких-то группах, не просто через принятие чужого языка, а через перекрестные браки и была обусловлена численным преобладанием в тех местах гагаузов.

Тип системы родства, характерный для «шуменских» или «чумелийских» болгар (села Криничное и отчасти Червоноармейское Одесской области), а также болгар из сел Зализничное, Табаки, Виноградовка Болградского района Одесской области и с. Ровное Тарутинского района Одесской области в восходящих поколениях полностью совпадает с рассмотренной нами системой родства гагаузов: жена брата матери, жена брата отца и жена старшего брата выделяются по тюркскому принципу в одну категорию; также по тюркскому принципу в одну категорию выделяются муж сестры матери, муж сестры отца и муж старшей сестры. Но в нисходящих поколениях тюркских особенностей не наблюдается. Является ли это свидетельством тюркского влияния или результатом эволюции социальной организации этих групп болгар? На наш взгляд, нет сомнений в первом варианте ответа, так как в самой терминологии родства в этих группах болгар ряд тюркско-гагаузских заимствований (например, термин *буля*, употребляющийся у всех болгар Украины, но применяемый только для обозначения жены старшего брата) здесь употребляется точно в том значении (расширительном), как и у гагаузов, приближаясь к условию выделенной нами шестой позиции тюркской системы родства. Причиной тюркского влияния на систему родства «шуменских» болгар является преобладание в г. Шумен (Шумла) и его сельской округе, откуда они переселились в XIX в. на территорию современной Украины, тюркского населения: по переписи 1881 г. в Шуменской околии было 62% турок и 31% болгар; в г. Шумен — 37% турок и 58% болгар²¹.

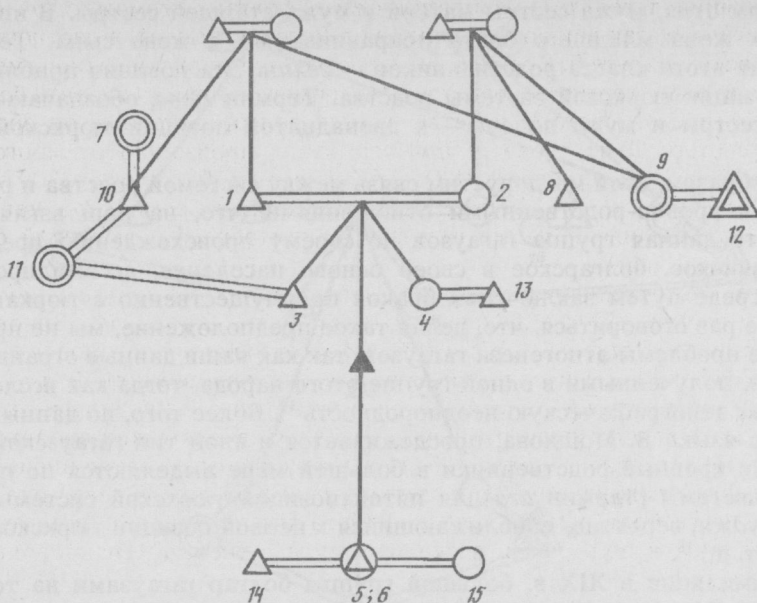

Рис. 3. Система родства силистринских (ольшанских) болгар: 1 — тати; 2 — мамо; 3 — нано; 4 — како; 5 — син; 6 — даштиря; 7 — чичо; 8 — вуйчо; 9 — леля; 10 — старка; 11 — буля; 12 — гаго; 13 — бачо; 14 — зет; 15 — булка.

В с. Ровное (бывший Купоран) — балканские болгары переселились из с. Копаран (современный Порой Бургасского округа); оно находилось в районе г. Айтоса — одной из областей, где компактно расселены большие группы тюркского населения²².

В селах же Зализничное, Табаки и Виноградовка тюркское влияние в системе родства, по-видимому, сравнительно недавнего происхождения, что наглядно можно проследить: в Виноградовке ныне четверть населения болгары, остальные — гагаузы; отдельные информаторы противоречат сообщениям большинства болгар этого села, приводя более архаичные, чисто болгарские связи в системе родства; в Табаках в 1907 г. было 900 болгар и 450 гагаузов, в с. Болгарии — нынешнем Зализничном — 975 болгар и 810 гагаузов²³. Ныне гагаузов в этих селах практически нет: они, вероятно, были ассимилированы болгарами, которые, однако, восприняли от них некоторые этнографические черты.

Таким образом, можно констатировать, что существуют этнографические группы болгарской диаспоры, подпавшие под значительное влияние тюрков, которое происходило в одних случаях до переселения на Балканах («шуменские» болгары, «балканские» болгары из с. Ровное), а в других случаях уже в Бессарабии (Зализничное, Табаки, Виноградовка). В результате браков с лицами тюркского происхождения система родства менялась.

Среди болгар Украины существуют еще две группы, тюркское влияние на которые было явным, но не очень сильным. Болгары пос. Олышанки Кировоградской области (рис.3), или «силистринские» болгары, употребляют термин *буля* в том же значении, что и гагаузы и перечисленные выше группы болгар, но супруги кровных родственников не объединяются в один класс: мужья старших сестер называются *бачо*, а мужья сестры отца и сестры матери — *гаго*. Однако выделяется термин для жены старшего брата отца — *старка* (жена младшего брата отца — *буля*), что можно интерпретировать как тюркское влияние: этот термин по принципам своего выделения напоминает вторую позицию тюркской системы родства, хотя можно предположить, что в основе выделения этого термина лежит определенная социально-нормативная установка по отношению к данному лицу, сохранившаяся как пережиток только в этой группе болгар. Интересен термин

гаго, встречающийся только у «силистринских» болгар. Возможно, он связан с этнонимом гагаузов, так как до переселения в Россию гагаузы, в частности, жили и в Силистринском округе²⁴. Кроме того, известно, что тюркские этнонимы иногда выступали и в роли терминов родства. Например, *печенег* (визант. *баджанак*) известен в болгарской системе родства: у всех болгар диаспоры он обозначает мужей двух сестер. Само слово *тюрк*, возможно, произошло от монгольского «свойственник»²⁵. В г. Силистра в 1881 г. проживало 5300 турок и 3300 болгар, а в округе — 23% турок и 67% болгар²⁶. До выселения в Бессарабию, как мы уже отмечали, здесь проживали также гагаузы. Таким образом, тюркский фон был достаточно значительным.

Часть потомков выходцев со склонов Балканских гор (жители сел Виноградное Болградского района, Голица, Ореховка, Кирнички, Каланчак, Виноградовка Арцизского района Одесской области), наоборот, объединяют под славянским термином *свако* в один класс супругов кровных родственниц старше *эго* — как из его поколения (муж старшей сестры), так и из первого восходящего поколения (муж сестры матери и муж сестры отца), но не объединяют жен кровных родственников. Кроме того, избирательно объединяются разные родственники, принадлежащие к разным поколениям в нисходящей линии от говорящего лица.

Основная масса болгар Юго-Западной Украины не имеет в системе родства тюркских влияний, а пользуется несколько видоизмененной традиционной славянской системой.

Таким образом, мы видим, что в формировании этнографических особенностей рассмотренных этнических групп одним из важных условий стали этнические связи между болгарскими и гагаузами, и болгарскими и другими группами балканских тюрков (турок). Эти связи, как мы видим, были обоюдными. В результате среди болгар, так же как и среди гагаузов, сформировались этноконтактные группы, своего рода буферы между славянским и тюркским населением. Эти этноконтактные группы являются носителями этнографических и бытовых особенностей как той, так и другой общности, что мы проследили в нашей работе на основе материалов по системе родства. Особенности расположения терминов в структуре родства и изменения в их значении, а следовательно, и в самой структуре родства имеют в своей основе реальные социальные и этнические процессы. Причины изменения структуры родства в ряде этнографических групп болгар видятся не в механическом заимствовании или копировании, а в реальных брачных связях между рассмотренными этническими группами. О брачных связях между болгарскими и гагаузами есть известия у таких этнографов, как В. Маринов, Л. Милетич, В. Мошков. А известный исследователь болгар Бессарабии А. Защук сообщает предание, по которому гагаузы являются внебрачными детьми турок от болгарок²⁷. Эта легенда, хотя и в фантастической, неадекватной форме, но, возможно, отражает какие-то реальные брачные контакты, которые имели определенную направленность — систему запретов и предпочтений на этнической основе при вступлении в брак. В результате этих брачных связей отдельные классы родственников и термины, их обозначающие, стали восприниматься и воспроизводиться в реальной языковой практике.

Примечания

¹ Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. С. 224.

² Как редкое исключение можно привести работы Н. В. Бикбулатова. Например, *Бикбулатов Н. В.* Система родства башкир. М., 1964; *его же.* Башкирская терминология и система родства как этногенетический источник // Археология и этнография Башкирии. Ч. 4. Уфа, 1971. С. 178—183.

³ Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 10. Наречия бессарабских гагаузов. СПб., 1904; *Мошков В. А.* Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы) // Этнографическое обозрение. 1901. № 2. (Кн. 49). С. 6—7; *Покровская Л. А.* Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 11—81; Гагаузско-русско-молдавский словарь / Под ред. Н. А. Баскакова. М., 1973.

⁴ *Бикбулатов Н. В.* Башкирская система родства. М., 1981. С. 15.

- ⁵ Арсеньев В. Р., Попов В. А. К типологической характеристике современной системы родства бомбара // Полевые исследования Института этнографии, 1978. М., 1980. Этим же термином пользуется А. Е. Шинкуба (Шинкуба А. Е. Абазинская система терминов родства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 13), но, к сожалению, из автореферата нельзя понять, что вкладывается автором в данное понятие.
- ⁶ Для реконструкции общеславянской системы родства использовались материалы из следующих работ: Лавровский П. А. Коренное значение родства у славян. СПб., 1867; Крюков М. В. Типы систем родства и их историческое соотношение // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. С. 376—378; *его же*. Система родства китайцев. М., 1972. С. 55—63; Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общинного строя. М., 1959; Георгиева И., Москва Д., Радева Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар // Советская этнография (далее — СЭ). 1973. № 2. С. 60—68; Hammel E. A. Serbo-Croatian kinship terminology // Kroeber Anthropological Society Papers, T. 16. 1957. P. 45—75.
- ⁷ См., например, Дыренкова Н. П. Брак, термины родства и психические запреты у кыргызов // Сборник этнографических материалов. № 2. Л., 1927. С. 7.
- ⁸ Токарев С. А. О системах родства у австралийцев (К вопросу о происхождении семьи) // Этнография. 1929. № 1.
- ⁹ Крюков М. В. Система родства китайцев. С. 28—36.
- ¹⁰ Крюков М. В. Типы систем родства ... С. 368, 383.
- ¹¹ Попов В. А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха // СЭ. 1977. № 2. С. 43—54.
- ¹² Левин Ю. И. Об описании системы терминов родства // СЭ. 1970. № 4. С. 18—30; Токарев С. А. К вопросу о методике изучения терминологии родства // Вестн. Москов. унив.-та. Историко-философская серия. 1958. Кн. 4. С. 189—194.
- ¹³ Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. С. 15.
- ¹⁴ Бикбулатов Н. В. Система родства башкир; *его же*. Терминология и система родства башкир (общая характеристика) // Археология и этнография Башкирии. Ч. 2. Уфа, 1964. С. 164—175.
- ¹⁵ Бутинов Н. А. О специфике производственных отношений общинно-родовой формации // СЭ. 1973. № 3. С. 56.
- ¹⁶ Употребляемое определение «тюркские системы родства» крайне условно, поскольку системы родства, характеризующие отмеченными выше принципами, присущи не только тюркским, но и другим народам алтайской, а также финно-угорской языковой семьи, кроме того, вероятно, ряду народов Северной Сибири. В данном случае подобное определение связано с предметом настоящей работы и с достаточной неопределенностью круга народов, имеющих этот тип родства. Для реконструкции особенностей тюркской системы родства использовались материалы из следующих работ: Покровская Л. А. Указ. раб.: Дыренкова Н. П. Указ. раб.; Бикбулатов Н. В. Указ. раб.; Народы Средней Азии и Казахстана. Т. 1. М., 1962; Худяков М. Г. Пережитки группового брака и матриархата в Поволжье (у мари и удмуртов) // Вопросы истории докалассового общества. М.; Л., 1936. С. 391—396; см. также библиографию к работе: Бикбулатов Н. В. Система родства башкир.
- ¹⁷ См., например, Мошков В. А. Турецкие племена на Балканском полуострове // Известия Русского географического общества. 1904. Т. 40. Вып. 3. С. 413 и сл.
- ¹⁸ Образцы народной литературы тюркских племен.
- ¹⁹ Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958. Ч. 1. С. 16.
- ²⁰ Занетов Г. Българските колонии в Русия. Колоните в Бесарабия // Периодическо описание из българското книжовно дружество в Средец. Средец, 1895. Кн. 48. С. 859.
- ²¹ Сарафов М. К. Населението в княжество България по трите първи преброявания // Периодическо описание... Средец, 1893. Кн. 41—42. С. 786—787; 1894. Кн. 44. С. 226 и сл.
- ²² Български диалектен атлас. София, 1964. Т. 1. Ч. 2. С. 20.
- ²³ Берг Л. С. Население Бессарабии. Этнографический состав и численность. Пг., 1923. С. 83—84.
- ²⁴ Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // СЭ. 1937. № 1.
- ²⁵ Баскаков Н. А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М., 1984. С. 15—16.
- ²⁶ Сарафов М. К. Указ. раб. Кн. 41—42. С. 786; Кн. 44. С. 226.
- ²⁷ Зацук А. Этнография Бессарабской области // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1863. Т. 5. С. 520.

Comparative Study of the Bulgarian and Gagauz Kinship Systems (Southern Ukraine Materials)

The author suggests that kinship systems should be used as a source for ethnogenetic reconstructions. A good example of such a study is a comparison of Bulgarian and Gagauz (both peoples inhabit the southern part of the Dneestr and Prut basin, today's Odessa region) kinship systems. The author argues that the Turkic elements entered the Bulgarian terminological system as the result of mixed marriages, as well as the numerical superiority of the Gagauz over Bulgarians in Bulgaria, the former areal of both peoples.

A. V. Shabashov